

РЕЦЕПЦИЯ НЕМЕЦКОЙ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В РОССИЙСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА КОНЦА XIX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ НЕОКАНТИАНСКИХ КОНЦЕПЦИЙ¹

Шакиров А.М.

студент 4 курса

Казанского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Казань)

Научный руководитель: **Кузьменко В.И.**

к.ю.н., доцент,

заведующий кафедры теории государства и права права

Казанского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Казань)

АННОТАЦИЯ: в данной статье рассматриваются особенности внедрения аксиологического методологического аппарата в доктринальные исследования по праву. Прослеживается основная связь с анализом немецких концепций XIX века во взаимодействии их практического применения в российской правовой системе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: рецепция, неокантианство, аксиология, правовая система

Рецепция германской аксиологической методологии в российской теории права конца XIX века: проблемы адаптации неокантианских концепций
Конец XIX века в истории европейской правовой мысли ознаменовался кардинальными изменениями в методологических подходах к изучению права, когда на смену господствовавшему длительное время юридическому позитивизму пришли новые концептуальные парадигмы, основанные на аксиологическом понимании правовых явлений. Особую роль в этом процессе сыграла германская школа неокантианского правоведения, идеи которой получили широкое распространение в европейском научном сообществе и оказали значительное влияние на развитие российской теории

¹ Статья подготовлена с использованием СПС «Консультант Плюс» в рамках участия в международно-практической конференции МГУ «Эволюция права 2025»

права. Проблема рецепции германской аксиологической методологии в российском правоведении конца XIX века представляет собой сложное и многоаспектное явление, требующее детального анализа как с точки зрения теоретических оснований самих концепций, так и с позиций их практической адаптации к специфическим условиям российской правовой культуры. Методологический кризис позитивистского правопонимания, наметившийся в европейской юриспруденции 1880-1890-х годов, создал благоприятные условия для восприятия новых теоретических парадигм, основанных на признании самостоятельного значения ценностных оснований права. Как отмечал выдающийся российский правовед П.И. Новгородцев в своей работе «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве», «современная теория права переживает глубокий кризис, выражающийся в неспособности позитивистской методологии дать удовлетворительное объяснение сущности правовых явлений и их связи с нравственными и культурными ценностями общества»¹.

Германская неокантианская школа права, представленная такими выдающимися мыслителями, как Рудольф Штаммлер и Густав Радбрух, предложила принципиально новый подход к пониманию права, основанный на признании его ценностной природы и телеологической направленности. Штаммлер в своем фундаментальном труде «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории» утверждал, что «право представляет собой не просто совокупность принудительных норм, установленных государством, но особую форму социального регулирования, имеющую свою специфическую ценностную природу и направленную на достижение определенных целей общественного развития»². Такое понимание права кардинально отличалось от господствовавших в то время позитивистских концепций и требовало пересмотра основных

¹ Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. М.: Университетская типография, 1901. С. 12

² Stammler R. Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung. Leipzig: Veit & Comp., 1896. S. 87

методологических принципов правовой науки. Радбрух развил эти идеи в своей теории правовых ценностей, обосновав концепцию права как культурного явления, имеющего своей целью реализацию справедливости. В работе «Философия права» он писал: «Право есть реальность, имеющая своим смыслом служение правовой идее. Идея права может быть только идеей справедливости. Справедливость означает: судить без оглядки на лица, всех мерить одной и той же мерой»¹. Эта концепция предполагала радикальное переосмысление традиционных подходов к изучению права и выдвигала на первый план вопросы о ценностных основаниях правопорядка и его связи с моральными принципами. Рецепция этих идей в российском правоведении происходила в сложных условиях, определявшихся спецификой отечественной правовой культуры и особенностями развития российской юридической науки. Российская правовая традиция, сформировавшаяся под влиянием православной культуры и самодержавного политического строя, существенно отличалась от западноевропейских правовых систем как по своим ценностным основаниям, так и по методологическим принципам изучения правовых явлений. Это различие создавало серьезные проблемы для прямого заимствования германских теоретических концепций и требовало их творческой переработки с учетом российских условий. Одним из первых российских правоведов, обратившихся к анализу германской неокантианской методологии, был Б.А. Кистяковский, который в своей работе «Социальные науки и право» подчеркивал необходимость синтеза позитивистского и ценностного подходов к изучению права. Он писал: «Современная наука о праве должна сочетать в себе эмпирическое изучение правовых явлений с анализом их ценностных оснований, поскольку право не может быть понято вне контекста тех культурных и нравственных ценностей, которые определяют его содержание и направленность»².

¹ Radbruch G. Rechtsphilosophie. Leipzig: Quelle & Meyer, 1914. S. 162

² Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: М. и С. Сабашниковы, 1916. С. 234

Особое значение для понимания проблем рецепции германской аксиологической методологии имеет анализ различий в трактовке традиционных правовых ценностей западной и российской школами права. Западноевропейская правовая мысль, сформировавшаяся в условиях рационалистической культуры Нового времени, исходила из примата индивидуальных прав и свобод, рассматривая право прежде всего как инструмент защиты личности от произвола государственной власти. Германские неокантианцы развили эти идеи, обосновав концепцию права как формы реализации автономии личности и средства достижения справедливого общественного порядка.

Российская правовая традиция, напротив, формировалась в условиях патерналистского государства и православной культуры, что обусловило принципиально иное понимание соотношения личности, общества и государства. Как отмечал выдающийся российский философ права В.С. Соловьев в своей работе «Оправдание добра», «право в его истинном понимании не может быть сведено к формальному равенству и внешней справедливости, но должно основываться на принципах христианской нравственности и служить достижению общего блага»¹. Эти различия в ценностных основаниях создавали серьезные трудности для адаптации германской аксиологической методологии к российским условиям. Российские правоведы не могли механически заимствовать западные концепции, поскольку они исходили из принципиально иных представлений о природе права и его месте в системе социальных отношений. Требовалась творческая переработка этих идей с учетом специфики российской правовой культуры и традиций отечественного правоведения. Попытки такой адаптации предпринимались различными представителями российской юридической науки, каждый из которых предлагал свой вариант синтеза западных теоретических достижений с отечественными правовыми традициями. Е.Н.

¹ Соловьев В.С. Оправдание добра: нравственная философия. М.: Университетская типография, 1897. С. 467

Трубецкой в своих «Лекциях по энциклопедии права» обосновывал необходимость создания христианской философии права, которая бы сочетала признание ценностной природы правовых явлений с их укорененностью в религиозно-нравственной традиции. Он утверждал, что «истинная философия права должна исходить из понимания права как одного из проявлений божественного порядка в мире, направленного на реализацию высших нравственных ценностей в сфере внешних общественных отношений». Иной подход предлагал П.И. Новгородцев, который стремился соединить неокантианскую методологию с либеральными идеями естественного права. В своей работе «Об общественном идеале» он писал: «Современная теория права должна основываться на признании абсолютной ценности человеческой личности и ее неотчуждаемых прав, но при этом учитывать специфику каждой национальной правовой культуры и ее исторически сложившиеся традиции»¹.

Анализ процесса рецепции германской аксиологической методологии показывает, что он происходил не как простое заимствование готовых теоретических схем, а как сложный процесс творческого переосмысления и адаптации западных идей к условиям российской правовой культуры. Этот процесс сопровождался острыми дискуссиями о путях развития отечественного правоведения и его отношении к западной юридической науке. Одним из центральных вопросов этих дискуссий была проблема соотношения универсальных и национально-специфических элементов в правовой теории. Сторонники вестернизации российского правоведения, такие как С.А. Муромцев, настаивали на необходимости полного принятия западных методологических достижений. В своих «Очерках общей теории гражданского права» он утверждал, что «российская юридическая наука должна отказаться от архаических представлений о праве и принять

¹ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1917. С. 156

современные научные методы его изучения, разработанные западными учеными»¹.

Противоположную позицию занимали представители славянофильского направления, которые подчеркивали самобытность российской правовой традиции и критиковали попытки механического заимствования западных теорий. К.С. Аксаков в своих работах по теории права писал: «Русский народ имеет свою особую правовую природу, основанную на началах православной веры и общинного устройства, которая не может быть втиснута в рамки западных юридических схем»². Между этими крайними позициями формировались различные промежуточные варианты, представители которых стремились найти оптимальное сочетание универсальных принципов правовой науки с учетом национальной специфики. Именно в рамках этих поисков происходила наиболее продуктивная рецепция германской аксиологической методологии, поскольку она позволяла сочетать научную строгость исследования с признанием ценностной природы правовых явлений. Важную роль в этом процессе играла проблема адаптации неокантианских концепций к особенностям российской правовой системы. Германская теория права исходила из презумпции существования развитого гражданского общества и правового государства, тогда как российская действительность конца XIX века характеризовалась сохранением значительных элементов патриархального и сословного строя. Это создавало серьезные трудности для применения западных теоретических схем к анализу российских правовых реалий. Российские правоведы были вынуждены разрабатывать специальные методологические приемы, позволявшие адаптировать неокантианскую аксиологию к условиям переходного общества. Б.Н. Чичерин в своей «Философии права» предложил концепцию эволюционного развития правовых систем, согласно которой каждое общество проходит определенные

¹ Муромцев С.А. Очерки общей теории гражданского права. М.: Д.П. Ефимов, 1877. С. 23

² Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: Университетская типография, 1889. С. 134

стадии правового развития, на каждой из которых доминируют свои специфические ценности и принципы. Он писал: «Право развивается постепенно от простых форм к более сложным, и каждая стадия этого развития имеет свои особенности, которые должны учитываться при теоретическом анализе правовых явлений»¹.

Это было особенно важно для российского правоведения, которое имело дело с обществом, находившимся в состоянии активной модернизации и совмещавшим в себе элементы различных стадий правового развития. Другой важной проблемой была адаптация неокантианского понимания автономии личности к условиям российской правовой культуры, традиционно ориентированной на коллективистские ценности. Германские теоретики исходили из примата индивидуальных прав и свобод, рассматривая их как основу правового порядка. Российская традиция, напротив, подчеркивала значение общественных интересов и обязанностей личности перед обществом. Попытки разрешения этого противоречия предпринимались различными способами. Некоторые российские правоведы стремились найти компромиссное решение, которое бы сочетало признание ценности личности с учетом общественных интересов. Л.И. Петражицкий в своей «Теории права и государства» разработал концепцию эмоциональной природы права, согласно которой правовые нормы основаны на особых психических переживаниях, сочетающих в себе императивные и атрибутивные элементы. Он утверждал, что «право представляет собой особый класс этических переживаний, характеризующихся двусторонностью, то есть сочетанием обязанности одного лица с правомочием другого»².

Эта концепция позволяла избежать жесткого противопоставления индивидуальных и общественных интересов, поскольку рассматривала право как форму их взаимного согласования на основе психологических механизмов

¹ Чичерин Б.Н. Философия права. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1900. С. 78

² Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Слово, 1907. С. 45

правового сознания. Такой подход был более созвучен российской правовой традиции, чем индивидуалистические концепции западного либерализма. Значительные трудности создавала также проблема соотношения светских и религиозных оснований права. Неокантианская аксиология исходила из автономии этики от религии и рассматривала правовые ценности как продукт рационального познания. Российская правовая традиция, напротив, была тесно связана с православной культурой и рассматривала религиозные принципы как основу правового порядка. Эта проблема особенно остро стояла перед теми российскими правоведами, которые стремились сочетать научную методологию с сохранением связи с религиозной традицией.

Таким образом, процесс рецепции германской аксиологической методологии в российском правоведении конца XIX века представляет собой сложное и многогранное явление, которое не может быть сведено к простому заимствованию готовых теоретических схем. Этот процесс носил творческий характер и привел к формированию оригинальных концепций, сочетавших в себе элементы западной и российской правовых традиций. Анализ этого процесса показывает, что успешная адаптация зарубежных теоретических достижений требует не механического копирования, а творческого переосмысления их применительно к конкретным условиям национальной правовой культуры. Результаты этого процесса оказали значительное влияние на дальнейшее развитие российской теории права и способствовали формированию отечественной школы правоведения, которая сочетала в себе высокий теоретический уровень с пониманием специфики российской правовой системы. Этот опыт сохраняет свою актуальность и в современных условиях, когда российская юридическая наука вновь сталкивается с задачами адаптации зарубежных теоретических достижений к условиям национальной правовой культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Radbruch G. Rechtsphilosophie. Leipzig: Quelle & Meyer, 1914. S. 162
2. Stammler R. Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung. Leipzig: Veit & Comp., 1896. S. 87
3. Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: Университетская типография, 1889. С. 134
4. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: М. и С. Сабашниковы, 1916. С. 234
5. Муромцев С.А. Очерки общей теории гражданского права. М.: Д.П. Ефимов, 1877. С. 23
6. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. М.: Университетская типография, 1901. С. 12
7. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1917. С. 156
8. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Слово, 1907. С. 45
9. Соловьев В.С. Оправдание добра: нравственная философия. М.: Университетская типография, 1897. С. 467
10. Чичерин Б.Н. Философия права. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1900. С. 78